

При этом подобранные автором имена Матреша, Геша, Мина, Ида, Берта являются типичными для рассмотренных национальностей. Отметим, тема Орла возникает неоднократно в романе, например, не случайно сравнение Юстина Помады за его стремительность с орловским рысаком: «Помада уже преодолел самую большую крутизну горы, настоящим орловским рысаком нёсся по более отлогой косине верхней части спуска» [5, с. 47].

Таким образом, Н.С. Лесков, выбирая имя для своего персонажа, опирается на свой жизненный опыт и культурно-исторические реалии своей эпохи.

Список литературы

1. Вязовская В.В. Казанский след в истории семейства Бахарева (к именам романа Н.С. Лескова «Некуда») // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3 (17). С. 98–103.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. Т. 1: А-З. 699 с. Т. 2.: И-О. 779 с.
3. Кирсанов С. Орёл знакомый и незнакомый. [Эл. ресурс]: <http://www.orel-story.ru>
4. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным запискам и памятям: в 2 т. М.: Худож. литература, 1984. (Серия литературных мемуаров / редкол.: В.Э. Вацуро [и др.]). Т. 1. Ч. 1–4; вступ. ст., подгот. текста, коммент. А.А. Горелова. 1984. 479 с.
5. Лесков Н.С. Собр. соч.: в XI т. М.: Худож. литература, 1956–1958. Т. II. 760 с.
6. Пеньковский А.Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999. 519 с.
7. Плещунов Н.С. Романы Лескова "Некуда" и "Соборяне". Баку: Азернешр, 1963. 191 с.
8. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов "Подросток" и "Братья Карамазовы"); Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Науч. книга, 2007. 301 с.
9. Смолидкая Г.П. Топонимический словарь центральной России // Русская речь. 1996. № 4. С. 84–91.
10. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ЭКСМО, 2003. 544 с.
11. Троицкий Ю.В. Лесков-художник. М.: Наука, 1974. 216 с.
12. Топоров В.Н. "Бедная Лиза" Карамзина. Опыт прочтения. М.: Русский мир: Моск. учебники, 2006. 427 с.
13. Чуковский К. Собрание соч.: в 15 т. М., 2012. Т. 9: Люди и книги. 496 с.

Иванова С.А.

«Пушкин, Лермонтов и Некрасов»: надгробная речь Ф.М. Достоевского о Н.А. Некрасове и полемика в некрологической литературе

Основное содержание статьи – обзор посмертных публикаций о Некрасове, в центре которых оказалась полемика на тему: «Кто выше: Пушкин, Лермонтов или Некрасов?». Исходной точкой этой баталии послужила надгробная речь Достоевского.

The main content of the article is a review of the posthumous publications of Nekrasov. In the centre of the debate on the topic: "Who is taller: Pushkin, Lermontov or Nekrasov?". The starting point of the dispute was the Eulogy of Dostoevsky.

Ключевые слова: поэзия, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Достоевский, литературный спор.

Key words: poetry, Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Dostoevsky, literary dispute.

Давние споры вокруг «высокой» поэзии – прежде всего, наследия Пушкина – с особенной силой выплеснулись на страницы периодической печати в связи со смертью Некрасова и необходимостью обозначить его место в истории русской литературы и общественной мысли. Печать, и столичная, и провинциальная, откликнулась некрологами, биографическими статьями, воспоминаниями; во многих изданиях была дана критическая оценка творчества поэта [несколько публикаций вошло в сб.: 36; выборочные обзоры см.: 28, с. 133–144; 21, XXV, с. 344–349]. Имена Пушкина и Лермонтова прозвучали практически во всех оценках некрасовской поэзии, как положительных, так и отрицательных. С «середины 50-х годов XIX в., – констатировал в 1938 году один из лучших исследователей творчества Некрасова В.Е. Евгеньев-Максимов, – вплоть до нашего времени повелось не только сопоставлять <...> а противопоставлять Пушкина и Некрасова. В огромном большинстве случаев эти противопоставления делались с полемическими целями, то есть Пушкиным старались побить Некрасова, а иногда – значительно реже – Некрасовым Пушкина. / Особенно примечателен в этом отношении эпизод, имевший место на похоронах Некрасова» [22, с. 185].

Речь идет о споре, возникшем на могиле поэта на кладбище Новодевичьего монастыря Александро-Невской лавры 30 декабря ст. ст. 1877 года, и получившем в печати драматическое освещение. В многообразии скорбной литературы, растянувшейся на несколько месяцев, устойчивым общим местом стало обсуждение надгробной речи Достоевского, вызвавшей бурную реакцию радикально настроенной студенческой молодежи и послужившей едва ли не побудительным импульсом и непосредственным поводом к завязавшейся литературной полемике. Хроникер «С.-Петербургских ведомостей» отметил состав публики: на похоронах «были литературные деятели всех направлений» и «в громадном количестве студенты и учащиеся женщины» [38, с. 1]. В передаче другого сотрудника «С.-Петербургских ведомостей» П.В. Засодимского, опустившего анализ речи Достоевского и описание скандального эпизода с нею связанного, Достоевский высказался, что Некрасов «как истинный человеколюбец» в своих песнях, «бывших верным отголоском человеческих страданий», явился «продолжателем Пушкина и Лермонтова» [25, с. 2]. Сохранилось несколько подробных воспоминаний об инциденте, произошедшем на похоронах, включая объяснение самого Достоевского. Так вспоминал этот эпизод в «Истории моего современника» (Гл. X. Похороны Некрасова и речь Достоевского на его могиле) В.Г. Короленко, присутствовавший на кладбище: «Некрасова хоронили очень торжественно и на могиле говорили много речей. <...> но настоящим событием была речь Достоевского. / Мне с двумя-тремя товарищами удалось пробраться по верхушке каменной ограды почти к самой могиле. <...> Достоевский говорил тихо, но очень выразительно и проникновенно. Его речь вызвала потом много шума в печати. Когда он поставил имя Некрасова вслед за Пушкиным и Лермонтовым, кое-кому из присутствующих это показалось умалением Некрасова. / – Он выше их, – крикнул кто-то, и два-три голоса поддержали его. / – Да, выше... Они только байронисты» [29, VI, с. 198–199]. Любопытное свидетельство привел очевидец происходившего литератор А.Е. Кауфман: «протестант, крикнувший первый с высоты надмогильного камня (стоявший рядом с пишущим эти строки), отнюдь не принадлежал к молодежи. Это был редактор субсидировавшейся реакционной уличной газетки “Минута” <И.А.> Баталин, имевший отношение к

канцелярии градоначальника» [26, с. 2]. Не исключено, таким образом, что выступление радикальной молодежи могло быть спровоцировано.

В более поздней передаче Г.В. Плеханова (статья «Похороны Н.А. Некрасова»; 1917), выступавшего на могиле по заданию «Земли и воли», эпизод столкновения дополнился конкретными подробностями: Достоевский «выставлял только сильные стороны поэзии Некрасова», он сказал, что «по своему таланту Некрасов был не ниже Пушкина. Это показалось нам вопиющей несправедливостью. / – Он был выше Пушкина! – закричали мы дружно и громко. / Бедный Достоевский этого не ожидал. На мгновение он растерялся. Но его любовь к Пушкину была слишком велика, чтобы он мог согласиться с нами. Поставив Некрасова на один уровень с Пушкиным, он дошел до крайнего предела уступок “молодому поколению”. / – Не выше, но и не ниже Пушкина! – не без раздражения ответил он, обернувшись в нашу сторону. Мы стояли на своем: “Выше, выше!” Достоевский, очевидно, убедился, что нас не переговорит, и продолжал свою речь, уже не отсылаясь на наши замечания» [40, II, с. 208]. Собственную речь, – вспоминал Плеханов, – «я начал <...> тем замечанием, что Некрасов не ограничился воспеванием ножек Терпсихоры, а ввел в свою поэзию гражданские мотивы. Намек был совершенно ясен. Я, в свою очередь, имел в виду Пушкина. И само собой разумеется, что я был кругом неправ перед ним: Пушкин воспевал не только ножки Терпсихоры, о которых он, кстати сказать, и упомянул-то мимоходом.¹ Но таково было наше тогдашнее настроение. Все мы в большей или меньшей степени разделяли взгляд Писарева, который “разнес” нашего великого поэта в известной статье “Пушкин и Белинский” [статья 1865 г.; см.: 39, III, с. 306–417]. <...> каюсь в своем грехе, я считаю справедливым привести то смягчающее обстоятельство, что далеко не один я грешил им в то время» [40, II, с. 208–209]. Поэзию и «всю изящную литературу» предшествовавшей Некрасову общественной эпохи (Пушкин, Лермонтов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой) Плеханов (в статье «Н.А. Некрасов»; 1903) относил к «*поэзии высшего дворянского сословия*», как бы «ни были добры и гуманны эти наши великие художники», вместе с тем, с художественной точки зрения, Плеханов противопоставлял Некрасова, с его «антиэстетическими погрешностями» на «каждом шагу», Пушкину и Лермонтову, с их «роскошной музыкой стихов» [40, II, с. 190, 188].

В 1907 году несколько иначе этот горячий спор припомнил А.А. Плещееву: «Сегодня, 27 декабря 30-летие со дня смерти Некрасова. На похоронах его завязался спор, который, пожалуй, удовлетворительного объяснения не нашел и до сих пор. Достоевский начал свою речь на могиле следующей фразой: / – Хотя Некрасов по дарованию своему стоит ниже одного великого Пушкина... / В это время молодой зычный голос, принадлежавший студенту <...> произнес / – Выше! / Достоевский оглянулся и заметил твердо и убежденно / – Нет, ниже! / А молодые голоса снова закричали / – Выше! / Достоевский же, со

¹ Плеханов имел в виду стихи из «Евгения Онегина» (Гл. I, строфа XXXII):

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножки Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.

всею возможною настойчивостью и всем возможным спокойствием отчеканил / – Нет, ниже-с!» [41, с. 3].

Литератор Н.Ф. Арепьев, присутствовавший на похоронах, вспоминал в 1921 году: «...поднялся Ф. М. Достоевский. / – У Некрасова, – сказал он, – было раненое сердце, рана на всю жизнь», которая «была источником всей его поэзии <...>. В поэзии нашей Некрасов заключил собою ряд тех поэтов, которые приходили со своим “новым словом”. В этом смысле он должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым... / На эти последние слова один голос из толпы крикнул, что Некрасов был выше Пушкина и Лермонтова и что те были всего только “байронисты”. Несколько голосов подхватили и крикнули “да, выше”. Конечно, этот эпизод произвел на Достоевского неблагоприятное впечатление, и он потом прибавил очень немного к тому, что сказал, но тотчас же после похорон он вернулся к эпизоду в печати» [1, с. 7].

Оставил свидетельство и П. П. Гнедич, писавший в 1929 году: «Достоевский говорил над гробом, опущенным в могилу, речь. Он говорил, что Некрасова надо поставить вслед за Пушкиным. Какой-то желчный молодой человек поправил оратора: “Некрасов был выше Пушкина!” Достоевский ничего ему не возразил, но потом в своем “Дневнике” разъяснил молодежи ее ошибку. Особенно неприятно поразило Достоевского то, что кто-то назвал Пушкина “байронистом”» [17, с. 114].

Спор перешел с могилы на столбцы ежедневных и повременных изданий и заполнил страницы как столичной печати («С.-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости», «Голос», «Новое время», «Гражданин», «Петербургский листок», «Древняя и новая Россия», «Дневник писателя», «Северный вестник», «Русское обозрение», «Пчела», «Отечественные записки», «Дело», «Слово», «Русский вестник», «Journal de St.-Petersbourg», «Воспитание и обучение», «Педагогический музей» и др.), так и провинциальной («Новороссийский телеграф», «Варшавский дневник», тифлисский «Обзор», «Саратовский дневник», «Киевский листок», «Рижский вестник» и др.). В соответствии с направлением издания развернулась затяжная полемика об историческом месте некрасовской поэзии, в которой надгробная речь Достоевского и ее печатный вариант в «Дневнике писателя» неожиданно оказались исходной точкой и побудительным поводом к литературному спору.

«Уже на самих похоронах Некрасова, – писал в «Неделе» С.А. Венгеров, – завязался или, вернее, продолжался бесплодный спор <...>. Достоевский, сказавший несколько слов у открытой могилы Некрасова, поставил (с известными оговорками) эти имена рядом, но несколько молодых голосов прервали его криками: “Некрасов выше Пушкина и Лермонтова”». Считая развернувшуюся по этому поводу полемику в печати односторонней, критик подвел итог: «...одни поддерживали мнение молодых энтузиастов, другие указывали на то, что Пушкин и Лермонтов были выразителями всего русского общества, а Некрасов – одного только “кружка”; наконец, третьи с негодованием отвергали самую мысль о параллели между творчеством, доведшим русский стих до вершины художественного совершенства, и “неуклюжим” стихом Некрасова, будто бы лишенным всякого художественного значения» [12, XII, стб. 388].

Основной тон полемике задал обозреватель «Биржевых ведомостей» А.М. Скабичевский, сотрудник «Отечественных записок», известный своими

народническими взглядами. Обширная статья, посвященная значению поэзии Некрасова, была прямо обращена к «молодым друзьям», считающим, что Некрасов «выше» Пушкина и Лермонтова: «...когда кто-то на могиле поэта вздумал сравнивать его с именами Пушкина и Лермонтова, вы все в один голос хором прокричали: “Он был выше, выше их”, а когда кто-то изъясил сомнение, чтобы он был понятен народу, вы отвечали, что он потому и дорог вам, что народу понятен»; критика обязана преклониться перед «единодушием этого молодого приговора», в котором слышится «голос самого потомства». На вопрос о том, «выше ли он был своих знаменитых предшественников, я не колеблясь, вслед за вами, мои молодые друзья, готов повторить: да, он был выше их, – во-первых, потому, что они были <...> совершенно чужды огромной массе народа, которую они не знали»; он выше как самобытный талант, «как ум более политически зрелый, сознательно и определенно направленный сравнительно с писателями, колеблющимися и исполненными патриархальных традиций и предрассудков...» [44, с. 2]. И.С. Тургенев, отвечая Я.П. Полонскому 11 (23) января 1878 года на его неизвестное письмо, в котором, вероятно, шла речь об эпизоде на кладбище, писал о Некрасове: «Пускай молодежь носится с ним. <...> Но, когда г. Скабичевский, обращаясь к той же молодежи, говорит ей, что она права, ставя Некрасова *выше* Пушкина и Лермонтова – и говорит это “не обинуясь”, я с трудом удерживаю негодование <...>» [53, XII(2), с. 263].

Статья Скабичевского вызвала реплику суворинского «Нового времени»: «Еще на могиле Некрасова несколько молодых людей, возражая Достоевскому, подняли совершенно праздный вопрос, кто был выше – Некрасов или Пушкин и Лермонтов? На этот вопрос г. Скабичевский отвечает нам в “Биржевых ведомостях”» [49, с. 2]. «Новое время» было одним из основных изданий, освещавших болезнь, смерть, похороны, а также посмертные отзывы о поэте [50, с. 10–11]. И хотя непосредственного участия в развернувшейся газетной баталии Суворин не принял, тем не менее, в воспоминаниях о поэте (опубликованных в первый день нового 1878 года) он высказался вполне в духе Достоевского: «Не гений Пушкина и Лермонтова сидел в нем, тот гений, который сам творит почти из ничего <...>. Талант Некрасова однообразнее, меньше, и не будь он так умен <...> не был бы певцом народного горя» [47, с. 3]. Здесь же Суворин опубликовал неизвестные ранее стихи поэта, принадлежность которых Некрасову сразу же была поставлена под сомнение, а в самих воспоминаниях, довольно странных для надгробного красноречия, объяснялась и извинялась известная «практическая сметка» Некрасова [47, с. 3], о которой как о «демоне самообеспечения», терзавшего поэта, писал также Достоевский [см.: 21, XXVI, с. 119–123]. Публикация Суворина стала предметом отдельной литературной полемики Г.З. Елисеева с Сувориным и Достоевским [24, IV, с. 320–321], а также П.Н. Ткачева с Сувориным, Достоевским и Елисеевым [51, с. 1–35; см. также: 6, с. 4].

В литературном споре, спровоцированном речью Достоевского, принял участие сотрудник «Нового времени» В.П. Буренин, оценивавший, в основном, печатную речь Достоевского: вслед за похоронами Некрасова «появилось немало журнальных статей», что он «мужичий» поэт, «поэт исключительно для народа, что в этом качестве он занимает первейшее место» и «стоит выше Пушкина». В отличие от Скабичевского, «г. Достоевский не называет юношей, говоривших у могилы Некрасова, своими “молодыми друзьями” <...> все, что он говорит о

Пушкине и Некрасове, исходит у него не из лицемерного желания показать свою солидарность с молодым поколением по этому вопросу, но из его глубокой любви к русскому народу и к таким выразителям в поэзии народной сущности», как Пушкин и Некрасов. «Если “молодые друзья” г. Скабичевского желают понять их любимого поэта как следует <...> пусть они вдумаются в слова г. Достоевского. Эти слова – честный и искренний голос сердца», только им и «можно постигнуть настоящую суть поэзии Некрасова». Фактическую сторону эпизода на кладбище Буренин дополнил новой подробностью: «Дело действительно происходило так, как рассказывает г. Достоевский. Я могу подтвердить это, так как был в числе присутствовавших у могилы и стоял рядом с г. Достоевским: стало быть, то, что слышал он, слышал и я. Прибавлю одну подробность: в числе нескольких голосов один крикнул: “Пушкин был салонный поэт, а Некрасов народный”. Вероятно, г. Скабичевский не расслышал этого возгласа, а то бы он разошелся, конечно, и о салонности поэзии Пушкина...» [7, с. 2-3]. Тургенев, следивший за полемикой в печати, писал М.М. Стасюлевичу 31 января (12 февраля) 1878 года: «Статья Буренина по поводу известного изречения, что Некрасов, мол, выше Пушкина и Лермонтова, очень недурна» [53, XII(2), с. 275].

О своем участии в полемике и об отношении к ней Буренин позже заметил: я «никогда в моих рецензиях не скрывал указаний на слабые стороны некрасовской поэзии, никогда не кричал, что Некрасов выше Пушкина, Байрона» и т. д., «не идолопоклонствовал перед ним», как «г. Скабичевский, и не унижал его, как унижают различные гг. Де-Пуле, Толычевы, Авсеенки и другие поклонники “чистого” искусства. И напрасно г. Скабичевский в своих “текущих” мыслях силится выставить меня порицателем Некрасова наряду с названными рецензентами» [9, с. 3]. Развернутый ответ на доводы Скабичевского, повторенные им в обобщающей статье о Некрасове в «Отечественных записках» (1879. № 7), Буренин высказал позже: протест «против рабства, деспотического гнета и восхваление свободы нравственной и гражданской» проходит «и в поэзии Пушкина и особенно в поэзии Рылсева и затем в поэзии Лермонтова. Из этого мотива вытекла позднее, в более определенном направлении, та струя, которая обильно бьет в поэзии Некрасова» [10, с. 2].

Не отставала от столичной и провинциальная печать. В анонимном фельетоне «Новороссийского телеграфа» говорилось: Достоевский на похоронах Некрасова сказал, «что в своих песнях, бывших верным отголоском человеческих страданий, он явился продолжателем Пушкина и Лермонтова. Последний, по мнению оратора, если бы прожил долее, непременно выполнил бы то, что выпало на долю Некрасова» [3, с. 1].

Следом петербургский корреспондент тифлисской газеты «Обзор» А. Церетели сообщал: на могиле Некрасова Достоевский «сказал, что Лермонтов, если бы он жил дольше, то непременно пошел бы по той дороге, по какой пошел и покойный Некрасов, за что Некрасова можно считать продолжателем начатого уже Лермонтовым дела и что его можно поставить в ряд с Пушкиным и Лермонтовым... “Выше! Выше!” – закричали оратору некоторые и прервали его речь» [55, с. 1].

Эпизод, освещенный несколькими изданиями, побудил Достоевского выразиться подробнее и прокомментировать его в декабрьском «Дневнике писателя»

за 1877 год (подглавка «Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле»), вышедшем 17 января 1878 года: «Высказал тоже мое убеждение, что в поэзии нашей Некрасов заключил собою ряд тех поэтов, которые приходили со своим “новым словом”. <...> В этом смысле он, в ряду поэтов <...> должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Когда я вслух выразил эту мысль, то произошел один маленький эпизод: один голос из толпы крикнул, что Некрасов был *выше* Пушкина и Лермонтова и что те были всего только “байронисты”. Несколько голосов подхватили и крикнули: “Да, выше!” Я, впрочем, о высоте и о сравнительных размерах трех поэтов и не думал высказываться; на уверения Скабичевского, не присутствовавшего на похоронах, что «все», т. е. вся учащаяся молодежь, «в один голос, хором» возразили писателю, Достоевский ответил: «...после первого голоса, крикнуло еще несколько голосов <...> тысячного же хора я не слышал <...>. / Я потому так на этом настаиваю, что мне всё же было бы чувствительно видеть, что *вся* наша молодежь впадает в такую ошибку»; и, без сомнения, эти возгласы «произошли вовсе не от желания затеять над раскрытой могилой дорогого покойника литературный спор, что было бы неуместно, а что тут просто был горячий порыв заявить как можно сильнее» чувства «умиления, благодарности и восторга» к близкому великому поэту, «(ну, а те-то великие прежние старики уже так далеко!)» [21, XXVI, с. 112–113].

Именно статья Скабичевского, принижающая значение Пушкина и Лермонтова, послужила Достоевскому поводом выразиться подробнее и о любви Пушкина к народу, и о различии в народности всех трех поэтов: любовь Пушкина «к народу русскому» была «любовь всеобъемлющая»; он «не угадывал, как надо любить народ, не приготавлился, не учился: он сам вдруг оказался народом» [21, XXVI, с. 115]. И далее, предвосхищая основные тезисы будущей Пушкинской речи, Достоевский писал: «Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идет рядом с презрением. Пушкин любил всё, что любил этот народ, чтил всё, что тот чтил. Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был не барин, милостивый и гуманный, жалеющий мужика, за его горькую участь, это был человек, сам перевоплощавшийся сердцем своим в простолюдина <...>. Умаление Пушкина как поэта, более исторически, более архаически преданного народу, чем на деле, – ошибочно и не имеет даже смысла. <...> Русский дух разлит в творениях Пушкина, русская жила бьется везде» [21, XXVI, с. 116]. И далее, объясняя, почему и Лермонтова, «как уверовавшего в правду народную», он поставил рядом с Пушкиным, Достоевский высказывает убеждение, что если бы Лермонтов прожил дольше, «то наверно бы кончил тем, что отыскивал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой, и на то есть большие и точные указания»; и повторяет: «остался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта, тоже признавшего правду народную, а может быть, и истинного “печальника горя народного”». Но это имя досталось Некрасову...» [21, XXVI, с. 117–118]; «я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не меряю аршином, кто выше, кто ниже, потому что тут не может быть ни сравнения, ни даже вопроса о нем. Пушкин, по обширности и глубине своего русского гения, до сих пор есть как солнце <...>. Он великий и непонятый еще предвозвеститель. Некрасов есть лишь малая точка в сравнении с ним, малая планета, но вышедшая из этого же великого солнца» [21, XXVI, с. 118]; он «пока еще – лишь

поэт русской интеллигенции, с любовью и со страстью говоривший о народе и страданиях его той же русской интеллигенции»; в будущем народ поймет, «что был когда-то такой добрый русский барин, который плакал скорбными слезами о его народном горе», но эта любовь к народу «была лишь *исходом его собственной скорби по себе самом...*» [21, XXVI, с. 119].

И хотя печатное надгробное слово Некрасову не вполне совпадало с устным, эта подглавка «Дневника писателя», а также следующие («Пушкин, Лермонтов и Некрасов», «Поэт и гражданин. Общие толки о Некрасове как о человеке», «Свидетель в пользу Некрасова»), произвели на современников не меньшее впечатление и долго оставались в памяти не только, как лучшее, что было написано о поэте [20, с. 343; 22, с. 185; 58, с. 460], но и как повод поговорить об историческом месте некрасовской поэзии. Несовпадение устного и печатного текста речи Достоевского отмечал В. Е. Евгеньев-Максимов. Приведя эпизод в качестве иллюстрации давней традиции сопоставлять или противопоставлять двух поэтов, исследователь писал: «В речи на могиле Достоевский подошел к вопросу исторически, а потому и был в основном совершенно прав. Зато в своей статье он поддался влиянию сугубо субъективных настроений, и с его заключительным выводом никоим образом нельзя согласиться (“Некрасов малая точка” и т. д.). Спорившая с Достоевским молодежь хватила, конечно, через край, ставя Некрасова выше Пушкина, но, с другой стороны, она не ошиблась, уловив в словах Достоевского завуалированную тенденцию к снижению Некрасова» [22, с. 185; см. также: 23, с. 1].

Любопытные высказывания Достоевского о Пушкине и Некрасове приводит в своих воспоминаниях литератор А.Н. Сальников, выступавший с писателем в 1880 году на одном из литературных вечеров, где за кулисами состоялся следующий разговор: «...молодежь, Федор Михайлович, все-таки любит Некрасова. Ведь он – наш “печальник горя народного”... / Достоевский быстро перебил меня <...> – Да знаете ли вы, что Некрасов не любил и не мог <...> так любить народ, как любил его Пушкин: Некрасов любил народ головою, умом, а Пушкин – всем существом своим, утробно... да, утробно... Вот какая между ними разница!.. Вспомните-ка “Деревню”!..

<...>

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый шлуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

<...>

Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

Да ведь тут вся эпоха крепостного права – как на ладони!.. <...> Разве у Некрасова есть что-нибудь похожее?..» [42, с. 2]. И хотя это откровенное высказывание Достоевского не противоречило его отзыву в печатной речи, на следующий день мемуаристу ответил публицист В. С. Кривенко, поставивший под сомнение достоверность высказывания писателя: Сальников, «может быть, и не

желая, подчеркивает какое-то злобное, отрицательное отношение Достоевского к Некрасову», между тем, Достоевский «репешительно и веско выступил печатно в своем дневнике» о поэте с «горячим словом в защиту его от разных толков» [31, с. 2].

Спор с Достоевским Скабичевский продолжил в обзоре, помещенном в очередном номере «Биржевых ведомостей»; возражая писателю, критик вынужден был в извинительном тоне добавить: «Я сам лично не присутствовал при всей этой сцене, передал ее со слов одного из свидетелей ее и готов верить г-ну Достоевскому, что все было так, как передает он». Задетый в «Дневнике писателя» Скабичевский продолжил критику Пушкина и Лермонтова: Некрасов «выше их, – выше их именно тем, чем наш век выше века Пушкина и Лермонтова»; он «выше своих предшественников тем, что в его поэзии мало того, что преобладают, но и выражаются страстными, исполненными мучительной скорби звуками такие мотивы нашей жизни, которые у его предшественников могли вызывать изредка <...> холодные и напыщенные фразы» [43, с. 1].

В связи с выступлением Скабичевского и ответом Достоевского Короленко вспоминал: «Скабичевский со своей простоватой прямолинейностью объявил в “Биржевых ведомостях”, что “молодежь тысячами голосов провозгласила первенство Некрасова”. Достоевский отвечал на это в “Дневнике писателя”. Но когда впоследствии я перечитывал по “Дневнику” эту полемику, я не встретил в ней того, что на меня и многих моих сверстников произвело впечатление гораздо более сильное, чем спор о первенстве, которого многие тогда не заметили. Это было именно то место, когда Достоевский своим проникновенно-пророческим, как мне казалось, голосом назвал Некрасова последним великим поэтом “из господ”. Придет время, и оно уже близко, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа... / – Правда, правда! – восторженно кричали мы Достоевскому»; писатель, «разумеется, расходился в очень многом и очень важном со своими восторженными слушателями. Впоследствии он говорил о том, что народ признает своим только такого поэта, который почитает то же, что чтит народ, то есть, конечно, самодержавие и официальную церковь. Но это уже были комментарии» [29, VI, с. 199].

Сразу же в полемику со Скабичевским вступил Е.А. Белов, сотрудник «С.-Петербургских ведомостей» А.А. Краевского, отметивший, вслед за «Новым временем», что сам вопрос является праздным, а приведенные доводы Скабичевского, преемника Д.И. Писарева, что Некрасов как народный поэт был выше своих великих предшественников, распенил как не выдерживающие критики: «...масса народа не читала, не читает и долго не будет читать Некрасова... Смей думать, что когда масса народа выучится читать, о Некрасове будут судить хладнокровнее...». «Самобытность» же поэта, отстаиваемую Скабичевским, Белов также подвергает сомнению, считая, что мотивы его поэзии схожи с мотивами «в известном направлении» европейских литератур, где эти мотивы «усердно возделывались», начиная с 1820-х годов («Старый бродяга» Беранже). Заслуги Некрасова, по мнению критика, «именно состояли в том, что муза его взяла одну ноту и резко, громко тянула эту ноту до конца, и вот поэтому-то уху, слышавшему эту ноту, могло казаться, что муза Некрасова поет громче и чище муз Пушкина и Лермонтова. <...> Желательно было бы знать, относит ли г. Скабичевский “Бородинскую годовщину” Пушкина и “Бородино” Лермонто-

ва» к числу «патриархальных предрассудков», в которых он их упрекает? [5, с. 3–4].

Примкнул к многочисленным откликам в русской печати, очевидец произошедшего Г. И. Успенский, на тот момент петербургский корреспондент тифлисского «Обзора», который с иронией писал о возникшей баталии: в настоящее время «в кругу знатоков и оценщиков литературных достоинств, раздавателей лавровых венков литературным дарованиям, словом, в кругу людей, выдающих литературным деятелям права на вход не в храм славы (такого нет у нас), а просто... в хрестоматию для средних учебных заведений, – идут оживленные толки о том, куда в этом храме – хрестоматии – деть покойного поэта, куда, на какую полку поставить его, рядом ли с Пушкиным и Лермонтовым, промежду их или выше или ниже... Они меряют его неумолимо меркою литературных приемщиков и в большинстве случаев находят, что Некрасов не подходит под мерку, ниже ростом, притом этот ^рост определяют таким выражением: “Там (у Пушкина) море звуков, – а у Некрасова – одна нота, которую он и тянул всю жизнь”. Остановливаясь на качестве некрасовской ноты, автор спрашивает: не была ли эта нота явлением самостоятельным?»; настаивая на высоком общественном смысле поэзии Некрасова, Успенский подчеркивал, что место поэта «не в храме русской славы (в хрестоматию он пройдет, несмотря на то, что гг. Беловы и не пускают его туда), – а там, где живет <...> русская печаль, плач, скрежет зубов...» [54, VI, с. 187]. Статья Успенского полемизировала не только с «С.-Петербургскими ведомостями» (Е. Белов), но и с «Новым временем» (Суворин), а также с «Дневником писателя» (Достоевский).

Подключилась к оживленной полемике, по выражению «Гражданина», «пререканиям» и «бесплодным помыкательствам именами Пушкина, Гоголя и Лермонтова» (1878. № 4-5, с. 86) «Неделя» П.А. Гайдебурова: «Некрасов не был великим поэтом, и незачем сравнивать его с Пушкиным и Лермонтовым, жившими в эпоху, очень отличную от той, с которою совпадает главная пора деятельности Некрасова», который, однако, «обладал высоким блестящим дарованием»; ему выпала задача, состоявшая в том, чтобы «возбуждать в умах здравые общественные стремления. <...> Этот нравственно-гражданский элемент необходимо было внести в русскую жизнь и поэзию» [15, стб. 29]. В описании похорон, принадлежащем Гайдебурову, к эпизоду на могиле Некрасова добавилась еще одна подробность: Достоевского, «как оказывается, почти насильно заставили говорить. Кто-то крикнул: “Достоевский хочет! Достоевский!” – потом его протиснули к могиле и таким образом *вынудили* сказать несколько слов» [14, стб. 110].

В духе Скабичевского и в его защиту примкнул к нарастающей литературной перебранке другой сотрудник некрасовского журнала Д. Л. Мордовцев, – по собственному признанию, один из толпы, «окружавшей могилу непроницаемого стеною», ^{кто} возражали Достоевскому: «Выше, выше!». «И теперь – анализирует эпизод Мордовцев, – с холодным вниманием <...> путем строго исторической критики значения Некрасова в истории развития русской мысли и ее оздоровления, пишущий это сознательно готов повторить то, что сказал на могиле поэта: “выше! выше!”. Да, по глубине и нестираемости черты, проведенной поэзией Некрасова по русской мысли, по всеобъемлемости идеи – идеи “спасения” слабого и бедного от нужды, горя и гибели, идеи, божественности которой, ко-

нечно, не посмеет отрицать самый засушенный скептицизм, по всеобъемлемости этой идеи, которая всецело господствовала в творчестве Некрасова, он станет в глазах будущих историков России неизмеримо выше Пушкина и Лермонтова. Мы этимнисколько не хотим, да и не в наших силах умалить значение последних, за которыми это значение история закрепила, так сказать, нотариальным порядком. <...> Стих Пушкина и Лермонтова, может быть, будет повторяться в учебниках долго еще, как образец метрической гладкости и стилистической первучести» [35, с. 140–141].

Выступление Мордовцева не осталось безответным. В «Русском вестнике» последовала отповедь М. Ф. Де-Пуле: «Один из ораторов выразился, что Некрасов *может* быть поставлен наравне с Пушкиным и Лермонтовым. “Нет, выше, выше”, громко раздались голоса из толпы. Что же? Под влиянием минуты эти сочувственные крики, такое увлечение – понятны, но «г. Мордовцев пишет на тему “Выше! выше” статью, в которой доказывает, что в глазах будущих историков России Некрасов “неизмеримо выше Пушкина и Лермонтова”»; об историческом значении Некрасова можно говорить что угодно; но едва ли это значение что-нибудь выиграет, когда во имя его принижаются другие, когда Пушкина упрекают в барском отношении к задачам жизни, а Лермонтова – в печоринстве, как это делает г. Мордовцев. Такое обличение, притом же не новое, только подрывает исторический и эстетический авторитет почтенного панегириста» [18, с. 342–344].

С полемической статьей «Поэзия Некрасова» выступила в этом же номере «Русского вестника» Т. Толычева (Е.В. Новосильцева), выделившая из обширного перечня текущих посмертных отзывов о Некрасове, сливающихся «в хвалебный гимн», публикацию рецензента «Journal de St.-Petersbourg» (1878. № 6), взгляд которого не вполне совпадал «с хором восторженных песен», и привела цитату из нее: «Литературное влияние Некрасова <...> было губительно. Оно испортило вкус нашей публики и положило начало тенденциозной литературе, от которой мы так долго страдали <...> и которая оспаривает еще первенство у истинной литературы, унаследовавшей великие предания Пушкина, Гоголя и целой блестящей плеяды других писателей... Под влиянием г. Некрасова Пушкин прослыл человеком бездарным, ничтожным поэтом, Лермонтов утратил свое обаяние, Майков, Мей и Фет потеряли заслуженное уважение, которым пользовались»; виновными в этом рецензент называет подражателей поэта. По мнению Толычевой, автор статьи непоследователен и пуглив, он «не решается развенчать идола, во имя которого домогались развенчать Пушкина и Лермонтова»; не соглашается Толычева и с Достоевским. «Дело в том, – заключает она, – что народность поэзии Некрасова не была правдой. Это была подделка» [52, с. 348–349, 385].

Вскоре литературный спор был подхвачен сотрудником «Голоса» Е. Л. Марковым. Находя поэзию Некрасова полной преувеличений и неестественности, дидактической, «тенденциозною», т. е. стоящей в прямой антитезе к «истинной поэзии», а форму «тяжелую и не красивою», критик, тем не менее, отмечает, что поэт «особенно силен там, где стоит на почве действительной народности», не угождает партии, «не задается проповеднической задачей разжалобить или ужаснуть»; и, может быть, «ни у одного поэта, кроме Пушкина,

русский пейзаж, русский быт, русский характер не восстают в таком правдивом живье», как в некоторых стихотворениях Некрасова [33, с. 1].

«Некрасову после его смерти, – позже отмечал В. П. Буренин, – не особенно везет на критические оценки. <...> все они отличаются или пристрастным отрицательным отношением к поэту, или напротив, пристрастным восхвалением, отыскиванием в его произведениях таких данных, которых они в себе не заключают. В рецензиях же, которые не отличаются одною из этих двух крайностей, обыкновенно ничего не отыскивается, кроме повторения задов» [10, с. 2]. Принял участие в полемике и сам Буренин, и хотя критик «Нового времени» не был замечен ранее в симпатиях к Некрасову, тем не менее, вынужден был признать: «То, что сказал в своей поэзии Некрасов, и так, как он сказал, не говорили до него ни Пушкин, ни Лермонтов, ни <...> поэты пушкинской школы». «Никаких сомнений, – писал он далее, – не может быть насчет того, что эта поэзия сразу завоевала себе массу поклонников и заняла свое оригинальное место в ряду поэтических вдохновений гениальных предшественников Некрасова и их более или менее талантливых подражателей. Может быть чисто поэтического, эстетического дарования у Некрасова не более чем, например, у таких подражательных поэтов, каковы Майков, Полонский, Фет, Толстой, Мей и другие, но по оригинальности своей поэзии он возвышается среди них, как титан между обыкновенными людьми.<...> Целая новая полоса развития русской жизни у Некрасова получила свое поэтическое воплощение – худое или хорошее, слабое или сильное – это подлежит, может быть, спорам; но не может быть спора о том, что только поэзия музыки “тоски и печали” воплощает эту полосу, только в этой поэзии находятся истоки нового развития русской жизни, а у гениальных предшественников этой музыки сказанных мотивов не имеется. И оттого Некрасов, как бы ни критиковали его творчество с эстетической точки стороны и всяких иных сторон, навсегда останется таким поэтом, которого из истории русской литературы не выкинешь, который никогда не забудется, в произведениях которого всегда будут искать то, что можно найти лишь у него и ни у кого другого больше» [8, с. 2].

Размах и разноречивость бурной полемики были настолько велики, что возникла литература, обобщающая и анализирующая эту перепалку. Так, Г.З. Елисеев, разбирая в «Отечественных записках» литературные отклики на смерть Некрасова, отмечал прогрессирующее в истории развития литературы обострение борьбы между представителями «чистого искусства» и «передовой русской критики»: «...суровость отношения к чистым искусникам год от году возрастает. Добролюбов жестче относился к бесцельной поэзии, чем Белинский; юнейшее поколение не ставит ее в грош. Это не то значит, чтобы юнейшее поколение отрицало искусство, нет, оно требует только, чтобы искусство не было бесцельно, чтобы оно служило на пользу людей. И этому нельзя не порадоваться» [24, III, с. 138]. Елисеев полемизировал, прежде всего, с Достоевским и его утверждением, что мирозерцание Некрасова находилось под чужим влиянием людей его лагеря, не знавших народа; а также с Сувориным, Антоновичем, с «оценщиками поэзии Некрасова – эстетиками» Беловым, Марковым и др.: «А критики-эстетики хором кричат: Какое однообразие! То ли дело Пушкин и т. д. “Позвольте, говорят им: – да поймите, что Некрасов преследовал свои цели, ко-

торых не имел в виду Пушкин» [24, III, с. 136]. Правда, продолжая полемику с Сувориним о Некрасове в следующем номере «Отечественных записок», Елисе-ев привлекает Достоевского в союзники: «статья его о Некрасове написана под самым неприятным впечатлением от толков вообще газет о покойном, преимущественно же от статьи г-на Суворина», оправдывающего «практичность» Некрасова [24, IV, с. 320–321].

Вернулась к полемике «Неделя». Поклонник поэзии Некрасова С.А. Венгеров дал литературный портрет поэта и проанализировал основные точки зрения: «Г. Скабичевский говорил, что Некрасов выше Пушкина и Лермонтова, потому что он держался более передовых убеждений; г. Евгений Белов с этим не соглашался, находя, что Пушкин и Лермонтов были поэтами всего русского общества, а Некрасов одного только кружка его. Наконец, г. Евгений Марков, с пеною у рта, напустился на покойного поэта за то, что у него мало “чистой поэзии” – трелей соловья и колебаний сонного ручья» [12, XIII, стб. 425].

Известный социолог и публицист, народник А. И. Стронин в статье «Некрасов и его критики» дал оценку выступлениям Скабичевского и Маркова как выражения полярных точек зрения; «среднее мнение», умеренное («Нового времени» и Достоевского) «оказалось равным сумме двух крайних»; однако ни одно из этих выступлений «не внесло ничего нового» в читательское понимание Некрасова и не помогло прояснить «самый предмет спора». «Исторический ряд наших поэтов» Стронин также ограничил тремя именами, выстраивая их по первенству в поэтической технике: «У Пушкина трудно выкинуть или поправить строчку; у Некрасова надо выбрасывать целые страницы и поправлять иногда чуть не каждый стих»; по народности: «одинаково народные», таланту и др. «Миросозерцание этих трех поэтов есть миросозерцание трех последовательных поколений». Исходя из этого, Стронин выстраивает генеалогию от Пушкина через Лермонтова к Некрасову как естественный и неизбежный «процесс поэтического развития», присущий всей мировой литературе. Как только «эстетические» и «реальные» критики, считает автор, поймут это, они смогут «примириться» [46, с. 1–2].

Необходимо отметить, что сравнение Некрасова с Пушкиным и Лермонтовым высказывалось задолго до речи Достоевского. Некрасов, по свидетельству современников, сам не чуждался проводить такую параллель. Так, композитор Ю.К. Арнольд, друживший с поэтом в 1840-е годы, вспоминал: Некрасов был «богато одаренной натурой. <...> однако же, никак не был в состоянии сделаться преемником Пушкина. (Хотя и воображал себе, что он на самом деле уже не только преемник Пушкина, но даже выше его. <...> подобным невольным откровением мнимого “пророка” является стихотворение» Некрасова «Поэт и гражданин». – в примеч.). «Он отстал далеко от него», имея «недочет в научном и моральном образовании»; «материализм воззрений его, “гражданина”, взял слишком уже верх над идеализмом воззрений “поэта”» [2, II, с. 186]. Следует добавить, что К. И. Чуковский, никак не доказывая, назвал этот пассаж «лжесвидетельством» [57, с. 8].

В 1856 году Некрасов пишет стихотворение «Поэт и гражданин», в котором эта формула выше/ниже уже была заявлена; Поэт с умилением читает Пушкина,

следом характеризует свою страсть к чистому искусству, как плод ленивой души, и обращается к Гражданину:

Так я, по-твоему, – великий,

Повыше Пушкина поэт?

Скажи пожалуйста!?

Гражданин отвечает:

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы,

Твои элегии не новы

<...>

Нет, ты не Пушкин. Но покуда

Не видно солнца ниготкуда,

С твоим талантом стыдно спать <...> [37, II, с. 7–8].

Б.М. Эйхенбаум полагал, что здесь Поэт «ставит вопрос, к которому потом, после смерти Некрасова, возвращался Достоевский» [59, с. 250]. По мнению Е.А. Ляцкого, толкующего стихотворение, поэтическая ситуация знаменитого диалога воспроизводит, «без сомнения, одну из типичнейших бесед Чернышевского с Некрасовым» [32, с. 170]. Это утверждение, хотя и упрощающее понимание стихотворения, не лишено смысла. В письме к Некрасову от 5 ноября 1856 года Н.Г. Чернышевский так отзывался о сборнике поэта 1856 года: «Я должен сознаться, что Ваши произведения, изданные теперь, имеют более положительного достоинства, нежели произведения Пушкина, Лермонтова и Кольцова. <...> Надобно желать гораздо большего, – надобно желать, чтобы мы были принуждены забыть для Вас о Пушкине, Лермон^тове, Кольцове, как для Кольцова забыли о Цыганове и Мерзлякове, как для Лермонтова забыли об Огареве и т. д. <...> Вас ожидает великая слава, какой не имел еще никто из русских поэтов, ни сам Пушкин» [56, XIV, с. 323, 329]. «...Вы одарены талантом первоклассным, – писал Чернышевский Некрасову 24 сентября 1856 года, – вроде Пушкина, Лермонтова и Кольцова» [56, XIV, с. 315]. В отношении Пушкина Чернышевский усвоил взгляд В. Г. Белинского, высказанный им еще в 1846 году: «Пушкин был по преимуществу поэт, художник, и больше ничем не мог быть по своей натуре. Он дал нам поэзию, как искусство, как художество. И потому он навсегда останется великим, образцовым мастером поэзии, учителем искусства. <...> Придет время, когда он будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство...» [4, VII, с. 579]. Мерилом безусловной ценности поэзии Чернышевский признавал лишь влияние ее на улучшение общества и развитие сознательности в нем, и поэзия Некрасова в этом смысле продолжала гоголевское направление. Пушкину же, полагал Чернышевский, область революционного настроения была чужда.

Мысль, высказанная Чернышевским, была, безусловно, на слуху. Так, Н.А. Добролюбов в 1860 году в рецензии на сборник стихотворений Д.Д. Минаева «Перепевы», не называя имени, но, несомненно, имея в виду Некрасова, высказывает мнение, что Пушкин, Лермонтов и Кольцов уже нашли себе достойного продолжателя («в новом таланте», слившем «воедино сильные стороны таланта его предшественников» [19, VI, с. 212]. Именно на Добролюбова, как на предшественника Достоевского, указывает А. Кауфман: «Сравнение Некрасова с Пушкиным, сделанное Достоевским на могиле первого, не было но-

во. Еще раньше Достоевского Добролюбов называл Некрасова преемником Пушкина и Лермонтова» [26, с. 2].

Следует заметить, что традиция вписывать имя того или иного поэта в поэтическую «табель о рангах» имела более давние корни. Так, Белинский в статье 1843 года о поэзии Лермонтова констатировал отношение к ней общественного мнения: «Немного Лермонтов успел произвести, но это немногого тотчас же дало ему, во мнении общества, место подле Пушкина. Мало того: теперь уже спорят не о том, может ли имя Лермонтова упоминаться вместе с именем Пушкина, но о том: кто выше – Пушкин или Лермонтов. Подобный вопрос и подобный спор могут быть плодом самого смешного детства, если в них дело будет идти не об идеях, а об именах. Вообще сравнения одного великого поэта с другим чрезвычайно трудны: если же в них видно желание возвысить или уронить одного на счет другого, то они просто нелепы и пошлы», как «пошло заключение, что Пушкин никуда не годится, потому что Лермонтов хорош, или что Лермонтов никуда не годится, потому что Пушкин хорош» [4, VII, с. 33; ср.: 22, с. 185].

Сравнение долго приобретало устойчивость и к концу 1870-х годов уже не казалось каким-то откровением. Следует добавить, что еще до речи Достоевского на похоронах соотнесение имени Некрасова с великими предшественниками было высказано в некрологе «Нового времени», помещенном на следующий день после смерти поэта, но оно не вызвало никакой реакции в печати: «покойный сделал так много, что, без сомнения, этого слишком довольно для сохранения за ним славы крупного поэта, достойного стать рядом с Пушкиным и Лермонтовым» [48, с. 1]. Только «Новороссийский телеграф» (С. Т. Герц-Виноградский) подхватил эту мысль: «Замечательная вещь! вся русская пресса, в лице своих органов и партий, единодушно отзывается о гражданской мощи поэта. “Новое время” ставит его наряду с Пушкиным и Лермонтовым» [16, с. 1]. В некрологе, опубликованном в «Голосе» в день похорон (б. п.; А.А. Краевский?), не без иронии отмечалось: Некрасов рано понял, что «хотя он не Пушкин, но куда не видно солнца ниоткуда, с его талантом стыдно спать <...> и посвятил свою музу на служение благу меньшей братии. По-видимому, это немного. <...> Многие называли и называют Некрасова народным поэтом. И он заслужил это название по всей справедливости. Правда народ наш пока безграмотен; он не читает Некрасова, он не знает его, не слышал даже об имени поэта; но когда народ просветится <...> он оценит Некрасова и сам увенчает его именем народного поэта» [30, с. 3]. Но и Краевский остался в тени. Таким образом, Достоевский в своей речи лишь озвучил расхожую мысль, тем не менее, память современников, мемуаристов и последующих толкователей упорно увязывала это сравнение с именем писателя и его надгробной речью.

Инцидент у могилы Некрасова еще долго вспоминался современниками. Через двадцать лет после кончины поэта пушкинист В.Е. Якушкин утверждал: «...мы можем с полным основанием повторить то, что было сказано над могилой его Достоевским: имя Некрасова как поэта должно быть поставлено следом за именами Пушкина и Лермонтова...» [61, с. 4]. В 1902 году газета «Новости дня» поместила редакционную статью (Н.Е. Эфроса) «Отжил ли Некрасов?», объясняющую, почему газета предложила этот вопрос современным писателям и художникам: «Для Некрасова и его поэзии наступает история. Нам показалось интересным сделать хоть слабую попытку заглянуть в приговор этой истории,

угадать, какое место приготовила она ему, сулит ли бессмертие или забвение. / <...> Кто был ближе к правде, тот ли молодой голос, который во время похорон Некрасова прокричал: “Он выше, выше Пушкина и Лермонтова”» [60, с. 3]. Далее следовали ответы А.П. Чехова, П.Д. Боборыкина, Леонида Андреева, Н.М. Минского, И.А. Бунина, В. Брюсова, А.А. Волынского, И.Е. Репина и др., в которых было единодушно отмечено значение поэзии Некрасова для современности.

«Очевидно, – писал в 1922 году бывший народоволец П. Ф. Якубович (Мельшин), – широкие круги читающей публики не перестанут питать горячий интерес к поэту, над гробом которого раздавались восторженные молодые голоса: “Он выше, выше Пушкина и Лермонтова!” / “Года минули, страсти улеглись”. Для Некрасова настал уже суд потомства. Никто, вероятно, не скажет теперь, что он “выше” Пушкина и Лермонтова), но и «никто не решится теперь назвать эту поэзию гнева и печали явлением эфемерным, фальшивым и дутым (мнение, которое не раз в пылу партийных увлечений высказывалось современными Некрасову критиками). Лишь немногие в настоящее время не согласятся, что из всего легиона русских поэтов XIX века один только Некрасов по праву может стать рядом с Пушкиным и Лермонтовым, как в смысле общественного значения своей лирики, так и энергии и силы поэтического вдохновения» [34, с. 92].

Речь Достоевского и эпизод столкновения его с молодежью, повлекший затяжную перепалку в печати, прочно вошел в литературный обиход как иллюстрация давней традиции сопоставлять или противопоставлять имена Пушкина, Лермонтова и Некрасова, и как факт истории литературы прочно занял свое место в энциклопедических статьях и исследовательской литературе о Некрасове [см., например: 11, с. 859; 13, с. 4; 45, с. 314]. В юбилейный 1921 год В.Е. Евгеньев-Максимов, подводя черту, дал эпизоду оценку и, как отметил рецензент, попытался установить «правильный взгляд на возникший после кончины поэта на его могиле спор» [27, с. 15]. «Как поэт, как художник слова, – писал исследователь, – Некрасов, конечно, не может быть поставлен на одну доску с таким колоссом русской литературы, как Пушкин. Тем не менее, его художественный талант отнюдь не меркнет в лучах Пушкинского гения, ибо ему свойственны такие черты, какими, собственно говоря, кроме него не обладал ни один из русских поэтов. <...> Некрасов, по преимуществу, песенный поэт, вскормленный и вспоенный народною песнью, народною беднотою, народною сказкой» [23, с. 1; см. также: 22, с. 185].

Список литературы

1. Арепьев Н. На похоронах Некрасова (Отрывок из старого дневника) // Вестник литературы. 1921. № 12 (36).
2. Арнольд Ю. Воспоминания: в 3 вып. М., 1892–1893.
3. Б. п. Фельетон. Похороны Некрасова // Новороссийский телеграф. 1878. 5 (17) января. № 867.
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в [13 т.]. М., 1953–1959.
5. Белов Е. Литературная летопись // С.-Петербургские ведомости. 1878. 8 (20) января. № 8.
6. Боцяновский Вл. О «практичности» Некрасова // Жизнь искусства. 1921. 6 декабря. № 820.

7. Буренин В. Литературные очерки. Кой-что «о Дневнике писателя г. Достоевского» и о его авторе // Новое время. 1878. 20 января (1 февраля). № 681.
8. Буренин В. П. Литературные очерки // Новое время. 1878. 5 (17) мая. № 783.
9. Буренин В. Литературные очерки // Новое время. 1878. 30 июня (12 июля). № 838.
10. Буренин В. Литературные очерки. Критическая статья г. Скабичевского о Некрасове. Два слова о критиках Некрасова, появившихся после смерти поэта // Новое время. 1879. 3 (15) августа. № 1231.
11. Венгеров С. А. Некрасов Н. А. // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона: в 86 т. Т. XX^а. СПб., 1897. С. 857–861.
12. Венгеров С. А. Николай Алексеевич Некрасов (Литературный портрет) // Неделя. – 1878. 5 марта – 25 марта, 16 апреля. № 10, 12–13, 16.
13. <Вишняков Н. П.> Достоевский о Некрасове // Жизнь искусства. 1921. 6 декабря. № 820 (подпись: Н. В-в).
14. <Гайдебуров П. А.> Литературно-житейские заметки // Неделя. 1878. 15 января. № 3 (б. п.).
15. <Гайдебуров П. А. ?> Поэзия Некрасова // Неделя. 1878. 1 января. № 1 (б. п.).
16. <Герцо-Виноградский С. Т.> Еще о Н. А. Некрасове // Новороссийский телеграф. 1878. 3 (15) января. № 865 (подпись: N. N).
17. Гнедич П. П. Книга жизни. Воспоминания. 1855–1918. М., 2000.
18. Де-Пуле М. Николай Алексеевич Некрасов. Историко-литературный очерк // Русский вестник. 1878. № 5. С. 326–346.
19. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л., 1961–1964.
20. Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987.
21. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990.
22. Евгеньев-Максимов В. Некрасов и Пушкин // Литературный современник. 1938. № 3.
23. <Евгеньев-Максимов В. Е.> Пятое декабря 1921 года // Некрасов. Памятка ко дню столетия рождения. Пб., 1921 (б. п.).
24. <Елисеев Г. З.> Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1878. № 3, 4 (б. п.).
25. Засодимский П. В. Похороны Некрасова // С.-Петербургские ведомости. 1877. 31 декабря (12 января). 360.
26. Кауфман А. К Некрасовским поминкам. 1821–1921 // Вестник литературы. 1921. № 11 (35).
27. <Кауфман А. Е.> Некрасов. Памятка ко дню 70-летия рождения. Пб., 1921. <Рец.> // Вестник литературы. 1922. № 1 (37) (подпись: А. К-н).
28. Киселева А. К. Отражение смерти и похорон Н. А. Некрасова в периодической печати (конец декабря 1877 – январь 1878 года) // Влияние творчества Н. А. Некрасова на русскую поэзию. Республиканский сб. науч. трудов. Ярославль, 1978. – Вып. 53.
29. Короленко В. Г. Собр. соч.: в 10 т. М., 1953–1956.
30. <Краевский А. А. ?> Некролог // Голос. 1877. 30 декабря (11 января 1878). № 320 (б. п.).
31. <Кривенко В. С.> Юбилейные воспоминания // Новое время. 1899. 14 (26) апреля. № 8308 (подпись: Василий Си-ло-вич).
32. Ляцкий Е. Н. Г. Чернышевский в редакции «Современника» (Некрасов, Тургенев, Добролюбов). (Из биографических очерков по семейному архиву) // Современный мир. 1911. № 10.
33. Марков Е. Критические беседы (Поэзия Некрасова) // Голос. 1878. 15 (27) февраля. № 46.
34. Мельшин Л. (Якубович П. Ф.). Н. А. Некрасов. Его жизнь и литературная деятельность: Критико-биографический очерк. Казань, 1922.
35. Мордовцев Д. Л. Об историческом значении Некрасова как поэта // Древняя и новая Россия. 1878. № 2.
36. На память о Николае Алексеевиче Некрасове. СПб., 1878 (ц. р. 22 января 1878 г.).
37. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л., 1981–2000.
38. Необачный Н. Текущая жизнь. На похоронах Некрасова // С.-Петербургские ведомости. 1878. 8 (20) января. № 8.
39. Писарев Д. И. Соч.: в 4 т. М., 1955–1956.

40. Плеханов Г. В. Литература и эстетика: в 2 т. М., 1958.
41. Плещеев А. А. Воспоминания о Некрасове // Петербургская газета. 1907. 27 декабря. № 355.
42. Сальников А. Ф. М. Достоевский о любви Пушкина к народу // Новое время. 1899. 13 (25) апреля. № 8307.
43. <Скабичевский А. М.> Мысли по поводу текущей литературы. Еще несколько слов о том, выше ли Некрасов своих предшественников и чем именно, по поводу последнего выпуска «Дневника» Достоевского // Биржевые ведомости. 1878. 27 января. № 27 (подпись: Заурядный читатель).
44. Скабичевский А. М. Мысли по поводу текущей литературы. Николай Алексеевич Некрасов как человек, поэт и редактор // Биржевые ведомости. 1878. 6 января. № 6.
45. Старикова Е. В. Достоевский о Некрасове // Н. А. Некрасов и русская литература. 1821–1971. М., 1971.
46. <Стронин А. И.> Некрасов и его критики // Северный вестник. 1878. 28 февраля (12 марта). № 58 (подпись: Читатель).
47. <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки // 1878. 1 (13) января. № 662 (подпись: Незнакомец). Перепечатано в сб.: На память о Николае Алексеевиче Некрасове. СПб., 1878.
48. <Суворин А. С.?:> «Некролог Некрасова» // Новое время. 1877. 28 декабря (9 января 1878). № 658 (б. п.).
49. <Суворин А. С.?:> Среди газет и журналов // Новое время. 1878. 7 (19) января. № 668 (б. п.).
50. Талашов Г. Личность и творчество Н. А. Некрасова в оценке «Нового времени» в 1878 году // Некрасовские чтения (Тезисы выступлений). Ярославль, 1988.
51. <Ткачев П. Н.> Литературные «мелочи». Философские размышления о нравственности, нравственных идеалах и других мелочах (Посвящается гг. Суворину, Достоевскому и Елисею) // Дело. 1878. № 6 (отд. «Современное обозрение»; подпись: Все тот же).
52. Тольчева Т. <Новосильцева Е. В.> Поэзия Некрасова // Русский вестник. 1878. № 5. С. 347–385.
53. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. 1-е изд. Письма: в 13 т. М.; Л., 1961–1968.
54. Успенский Г. И. Полн. собр. соч.: в [14 т.]. [М.], 1952–1954.
55. Церетели А. Похороны Некрасова. Письмо из Петербурга // Обзор. 1878. 10 января (републиковано: Наше наследие. 1991. № 1).
56. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939–1950.
57. Чуковский К. Мастерство Некрасова. М., 1971.
58. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934.
59. Эйхенбаум Б. М. Некрасов // Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. Л., 1924. С. 233–279.
60. <Эфрос Н. Е.> Отжил ли Некрасов? // Новости дня. 1902. 27 декабря (8 января 1903). № 7023.
61. Якушкин В. Памяти Н. А. Некрасова (†27-го декабря 1877 г. // Русские ведомости. 1897. 29 декабря. № 358.

Громова А.В.

Мифообраз поля в прозе Л.Ф. Зурова

В статье анализируются мифопоэтические значения образа поля в романах Л. Зурова «Древний путь» и «Поле» и повести «Иван-да-марья». Рассматриваются следующие значения образа поля: пустое (полюе) и опасное пространство, нива (вспаханное поле), место битвы (поле брани), родная земля (русское поле, русский простор), а также авторское представление о поле как модели мировой гармонии, мирового единства всего сущего. Доказывается, что основные мифологические значения образа восходят к фольклорной, древнерусской и литературной традициям.